

Кабы жили на заставы богатыри,
Недалеко от города – за двенадцать верст,
Кабы жили они да тут пятнадцать лет;
Кабы тридцать-то их было да со богатырем;
Не видали ни конного, ни пешего,
Ни прохожего они тут, ни проезжего,
Да ни серый тут волк не прорыскивал,
Ни ясен сокол не пролетывал,
Да нерусской богатырь не проезживал.
Кабы тридцать-то было богатырей со богатырем:
Атаманом-то – стар казак Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович;
Податаманьем Самсон да Колыбанович,
Да Добрыня-то Микитич жил во писарях,
Да Алеша-то Попович жил во поварах,
Да и Мишка Торопанишко жил во конюхах;
Да и жил тут Василей сын Буслаевич,
Да и жил тут Васенька Игнатьевич,
Да и жил тут Дюк да сын Степанович,
Да и жил тут Пермя да сын Васильевич,
Да и жил Радивон да Превысокие,
Да и жил тут Потанюшка Хроменькой;
Затем Потык Михайло сын Иванович,
Затем жил тут Дунай да сын Иванович,
Да и был тут Чурило, млады Пленкович,
Да и был тут Скопин сын Иванович,
Тут и жили два брата, два родимые,
Да Лука, Да Матвей – Дети Петровые...[1]
На зачине-то была светла деничка,
На зори-то тут было да нонче на утренной,
На восходе то было да красна солнышка;
Тут ставаёт старой да Илья Муромец,

Илья Муромец ставаёт да сын Иванович,
Умывается он да ключевой водой,
Утирается он да белым полотном,
И ставаёт да он нонь пред Господом,
А молится он да Господу Богу,
А крест-от кладет да по писанному,
А поклон-от ведет да как ведь водится,
А молитву творит полну Исусову;
Сам надёрнул сапожки да на босу ногу,
Да и кунью шубейку на одно плечо,
Да и пухов-де колпак да на одно ухо.
Да и брал он нынь трубочку подзорную,
Да и выходит старой да вон на улицу,
Да и зрел он, смотрел на все стороны,
Да и смотрел он под сторону восточную, -
Да и стоит-то-де наш там стольнё-Киев-град;
Да и смотрел он под сторону под летную, -
Да стоят там луга да там зелёныи
Да глядел он под сторону под западну, -
Да стоят там да леса тёмныи;
Да смотрел он под сторону под северну, -
Да стоят-то-де наше да синё морё, -
Да и стоит-то-де наше там чисто полё,
Сорочинско-де славно наше Кулигово;
В копоту то там, в тумане, не знай, зверь бежит,
Не знай, зверь там бежит, не знай, сокол летит,
Да Буян ле славный остров там шатается,
Да Саратовы ле горы да знаменуются,
А богатырь ле там едет да потешается:
Попереду то его бежит серый волк,
Позади-то его бежит черный выжлок;
На правом-то плече, знать, воробей сидит,

На левом-то плече, да знать, белой кречет,
Во левой-то руке да держит тугой лук,
Во правой-то руке стрелу калёную,
Да калёную стрелочку, перёную;
Не того же орла да сизокрылого,
Да того же орла да сизокамского,
Не того же орла, что на дубу сидит,
Да того же орла, который на синём мори,
Да гнездо-то он вьет да на серой камень.
Да подверх богатырь стрелочку подстреливат,
Да и на пол он стрелочку не ураниват,
На полёте он стрелочку подхватыват.
Подъезжает он ныне ко белу шатру,
Да и пишет нонь сам да скору грамотку;
Да подмётывает ерлык, да скору грамотку;
На правом-то колене держит бумажечку,
На левом то колене держит чернильницу,
Во правой-то руке держит перышко,
Сам пишет ерлык, да скору грамотку,
Да к тому же шатру да белобархатному.
Да берет-то стар казак Илья Муромец,
Да и то у него тут написано,
Да и то у него тут напечатано:
«Да и еду я нонь да во стольнёй Киев-град,
Я грометь-штурмовать да в стольнё-Киев-град,
Я соборны больши церкви я на дым спущу,
Я царевы больши кабаки на огни сожгу,
Я печатны больши книги да во грязи стопчу,
Чудны образы-иконы на поплав воды,
Самого я князя да в котле сварю,
Да саму я княгиню да за себя возьму».
Да заходит тут стар тут во белой шатёр:

«Ох вы ой есь вы, дружинишка хоробрая,
Вы, хоробрая дружина да заговорная!
Уж вам долго ле спать, да нынь пора ставать.
Выходил я, старой, вон на улицу,
Да и зрел я, смотрел на все стороны,
Да смотрел я под сторону восточную, -
Да и стоит-то де наш там стольнё-Киев-град...[2]
Тут скакали нынь все русские богатыри.
Говорит-то-де стар казак Илья Муромец:
«Да кого же нам послать нынь за богатырём?
Да послать нам Самсона да Колыбанова, -
Да и тот ведь он роду-то сонливого,
За невид потерят свою буйну голову;
Да послать нам Дуная сына Иванова, -
Да и тот он ведь роду-то заплывчива,
За невид потерят свою буйну голову;
Да послать нам Олешеньку Поповича, -
Да и тот он ведь роду-то хвастливого,
Потеряет свою буйну голову;
Да послать-то нам ведь Мишку да Торопанишка, -
Да и тот он ведь роду торопливого,
Потеряет свою буйну голову;
Да послать-то нам два брата, два родимыя,
Да Луку де, Матвея – детей Петровичей, -
Да такого они роду-то ведь вольнёго,
Они вольнего роду-то, смирёного,
Потеряют свои да буйны головы;
Да послать-то нам Добрынюшку Микитича, -
Да я тот он ведь роду он ведь вежлива,
Он вежлива роду-то, очестлива,
Да умеет со молодцем соехаться,
Да умеет он со молодцем разъехаться,

Да имеет он ведь молодцу и честь воздать».
Да учуло тут ведь ухо богатырскоё,
Да завидело око да молодецкоё,
Да и стал тут Добрынюшка сряжаться,
Да и стал тут Добрынюшка сподобляться;
Побежал нынь Добрыня на конюшен двор,
Да и брал он коня да всё семи цепей,
Да семи он цепей да семи розвезей;
Да и клал на коня да плотны плотнички,
Да на плотнички клал да мягки войлочки,
Да на войлочки седельшко черкальской,
Да двенадцать он вяжет подпрут шелковых,
Да тринадцату вяжет чересхребётную,
Через ту же он степь да лошадиную,
Да не ради басы да молодецкой,
Ради крепости вяжет богатырской.
Тут он приснял он-де шапочку курчавую,
Он простился со всеми рускими богатырьми,
Да не видно поездки да молодецкой,
Только видно, как Добрыня на коня скочил,
На коня он скочил да в стремяна ступил,
Стремяна те ступил да он коня стегнул;
Хоробра была поездка да молодецкая,
Хороша была побежка лошадиная,
Во чистом-то поле видно – курева стоит,
У коня из ушей да дым столбом валит,
Да из глаз у коня искры сыплются,
Из ноздрей у коня пламя мечется,
Да и сива де грива да расстиляется,
Да и хвост-то трубой да завивается.
Наезжает богатырь на чистом поли,
Заревел тут Добрыня да во первой након:

«Уж я верной богатырь, – дак нынь напуск держу,
Ты неверной богатырь, – дак поворот даешь».

А и едет татарин, да не оглянется.

Заревел-то Добрынюшка во второй након:

«Уж я верной богатырь, – дак нынь напуск держу,
Ты неверной богатырь, – дак поворот даешь».

А и едет татарин, да не оглянется.

Да и тут-де Добрынюшка ругаться стал:

«Уж ты, гадина, едешь, да перегадина!

Ты сорока, ты летишь, да белобокая,

Да ворона, ты летишь, да пустоперая,

Пустопера ворона, да по загуменью!

Не воротишь на заставу каравульную,

Ты уж нас, молодцов, видно, ничем считаешь?»

А и тут-де татарин да поворот даёт,

Да снимал он Добрынюку да со добра коня,

Да и дал он на... по отяпышу,

Да прибавил на... по алябышу,

Посадил он назад его на добра коня:

«Да поедь ты, скажи стару казаку, -

Кабы что-де старой тобой заменяется?

Самому ему со мной еще делать нечего».

Да поехал Добрыня, да едва жив сидит.

Тут едет Добрынюшка Никитьевич

Да к тому же к своему да ко белу шатру,

Да встречает его да нынче стар казак,

Кабы стар-де казак да Илья Муромец:

«Ох ты ой еси, Добрынюшка Никитич блад!

Уж ты что же ты едешь не по-старому,

Не по-старому ты едешь да не по-прежнему?

Повеся ты дёржишь да буйну голову,

Потопя ты держишь да очи ясныи».

Говорит-то Добрынюшка Никитич блад:
«Наезжал я татарина на чистом поли,
Заревел я ему да ровно два раза,
Да и едёт татарин, да не оглянется;
Кабы тут-де-ка я ровно ругаться стал.
Да и тут-де татарин да поворот дает,
Да сымал он меня да со добра коня,
Да и дал он на... да по отяпышу,
Да прибавил он еще он по алябышу,
Да и сам он говорит да таковы речи:
«Да и что-де старой тобой заменяется?
Самому ему со мной да делать нечего!»
Да и тут-де старому да за беду стало,
За великую досаду да показалось;
Могучи его плеча да расходились,
Ретиво его сердцё разгорячилось,
Кабы ровно-неровно – будто в котли кипит.
«Ох вы ой еси, русские богатыри!
Вы седлайте-уздайте да коня доброго,
Вы кладите всю сбрую да лошадиную,
Вы кладите всю приправу да богатырскую».
Тут седлали-уздали да коня доброго;
Да не видно поездки да молодецкой,
Только видно, как старой нынь на коня скочил,
На коня он скочил да в стремяна ступил,
Да и приснял он свой да нонь пухов колпак:
«Вы прощайте, дружинушка хоробрая!
Не успеете вы да штей котла сварить, -
Привезу голову да молодецкую».
Во чистом поли видно – курева стоит,
У коня из ушей да дым столбом валит,
Да из глаз у коня искры сыплются,

Из ноздрей у коня пламё мечется,
Да и сива-де грива да расстиляется,
Да и хвост-от трубой да завивается.
Наезжаёт татарина на чистом поли,
От того же от города от Киева
Да и столько-де места – да за три поприща.
Заревел тут старой да во первой закон:
«Уж я верной богатырь – дак я напуск держу,
Ты неверной богатырь – дак поворот даёшь».
А и ёдет татарин, да не оглянется.
Да и тут старой заревел во второй закон:
«Уж я верной богатырь – дак я напуск держу,
Ты неверной богатырь – дак поворот даёшь».
Да и тут-де татарин да не оглянется.
Да и тут-де старой кабы ругаться стал:
«Уж ты, гадина, едёшь, да перегадина!
Ты сорока, ты летишь, да белобокая,
Ты ворона, ты летишь, да пустоперая,
Пустопера ворона, да по загуменью!
Не воротишь на заставу караульную,
Ты уж нас, молодцов, видно, ничем считаешь?»
Кабы тут-де татарин поворот даёт,
Отпустил татарин да нынь сера волка,
Отпустил-то татарин да черна выжлока,
Да с права он плеча да он воробышка,
Да с лева-то плеча да бела кречета.
«Побежите, полетите вы нынь прочь от меня,
Вы ищите себе хозяина поласкове.
Со старым нам съезжаться – да нам не брататься,
Со старым нам съезжаться – дак чья Божья помочь».
Вот не две горы вместе да столкнулися, -
Два богатыря вместе да тут соехались,

Да хватали они сабельки нынь вострые,
Да и секлись, рубились да целы суточки,
Да не ранились они да не кровавились,
Вострые сабельки их да изломались,
Изломались сабельки, исщербились;
Да бросили тот бой на сыру землю,
Да хватали-то палицы боёвые,
Колотились, дрались да целы суточки,
Да не ранились они да не кровавились,
Да боёвые палицы загорелися,
Загорелися палицы, распоелися;
Да бросали тот бой на сыру землю,
Да хватали копейца да бурзамецкие,
Да и тыкались, кололись да целы суточки,
Да не ранились они да не кровавились,
По насадке копейца да изломались,
Изломались они да извихнулись;
Да бросили тот бой да на сыру землю,
Да скакали они нонь да со добрых коней,
Да хватались они на рукопашечку.
По старому по бесчестью да по великому
Подоспело его слово похвальное,
Да лева его нога да окольздилася,
А права-то нога и подломилася,
Да и падал старой тут на сыру землю,
Да и ровно-неровно будто сырой дуб,
Да заскакивал Сокольник на белы груди,
Да и розорвал лату да он булатную,
Да и вытащил чинжалище, укладен нож,
Да и хочет пороть да груди белые,
Да и хочет смотреть да ретиво сердцё.
Кабы тут-де старой да нынь расплакался:

«Ох ты ой есть, пресвята мать Богородица!
Ты почто это меня нынче повыдала?
Я за веру стоял да Христовую,
Я за церкви стоял да за соборные».

Вдруг не ветру полоска да перепахнула, -
Вдвое-втрое у старого да силы прибыло,
Да свистнул он Сокольника со белых грудей,
Да заскакивал ему да на черны груди,
Да и розорвал лату да всё булатную,
Да и вытащил чинжалище, укладен нож,
Да и ткнул он ему до во черны груди, -
Да в плечи-то рука и застоялася.

Тут и стал-де старой нынче выпрашивать:
«Да какой ты удалой да доброй молодец?»

У поганого сердцо-то заплывчиво:
«Да когда я у те был да на белых грудях,
Я не спрашивал ни роду тя, ни племени».

Да и ткнул старой да во второй након, -
Да в локти-то рука да застоялася;

Да и стал-де старой да опять спрашивать:
«Да какой ты удалой да доброй молодец?»

Говорит-то Сокольник да таковы речи:
«Да когда я у те был на белых грудях,
Я не спрашивал ни роду тя, ни племени,
Ты ещё стал роды у мня выпрашивать».

Кабы тут-де старому да за беду стало,
За великую досаду да показалось,
Да и ткнул старой да во третей након, -
В заведи-то рука и застоялася;

Да и стал-то старой тут выпрашивать:
«Ой ты ой еси, удалой доброй молодец!
Да скажись ты мне нонче, пожалуйста:

Да какой ты земли, какой вотчины,
Да какого ты моря, коя города,
Да какого ты роду, коя племени?
Да и как тя, молодца именём зовут,
Да и как прозывают по отечеству?»
Говорит-то Сокольник да таковы речи:
«От того же я от камешка от Латыря,
Да от той же я девчонки да Златыгорки;
Она зла поленица да преудалая,
Да сама она была еще одноокая».
Да скакал-то старой нонь на резвы ноги,
Прижимал он его да ко белой груди,
Ко белой-де груди да к ретиву сердцу,
Целовал его в уста да нынь сахарные:
«Уж ты, чадо ле, чадо да мое милоё,
Ты дитя ле мое, дитя сердечной!»
Да съезжались с твоей да мы ведь матерью
Да на том же мы ведь на чистом поли,
Да и сила на силу прилучалася,
Да не ранились мы да не кровавились,
Сотворили мы с ней любовь телесную,
Да телесную любовь, да мы сердечную,
Да и тут мы ведь, чадо, тебя прижили;
Да поедь ты нынь к своей матери,
Привези ей ты нынь в стольно-Киев-град,
Да и будешь у меня ты первой богатырь,
Да не будет тебе у нас поединщиков».
Да и тут молодцы нынь разъехались,
Да и едет Сокольник ко свою двору,
Ко свою двору, к высокому терему.
Да встречат его матушка родимая:
«Уж ты, чадо ле, чадо моё милоё,

Уж дитя ты мое, дитя сердечной!
Уж ты что же нынъ едешь да не по-старому,
Да и конь-то бежит не по-прежнему?
Повеся ты дёржишь да буйну голову,
Потопя ты дёржишь да очи ясные,
Потопя ты их держишь да в мать сыру землю».

Говорит-то Сокольник да таковы речи:
«Уж я был же нынъ-нынче да во чистом поли,
Уж я видел стару коровушку базыкову,
Он тебя зовет... меня...»

Говорит-то старуха да таковы речи:
«Не пустым-де старой да похваляется, -
Да съезжались мы с ним да на чистом поли,
Да и сила на силу прилучилася,
Да не ранились мы да не кровавились,
Сотворили мы с ним любовь телесную,
Да телесную любовь, да мы сердечную,
Да и тут мы ведь, чадо, тебя прижили».

А и тут-де Сокольнику за беду стало,
За великую досаду показалося,
Да хватил он матушку за черны кудри,
Да и вызнял он ей выше могучих плеч,
Опустил он ей да о кирпичат пол,
Да и тут-де старухе да смерть случилася.

У поганого сердцё-то заплывчиво,
Да заплывчиво сердцё-то разрывчиво,
Да подумал он думу да промежду собой,
Да сказал он нынъ слово да нынче сам себе:
«Да убил я топеря да родну матушку,
Да убью я поеду да стара казака,
Он спит нынъ с устатку да нонъ с великого».

Да поехал Сокольник в стольно-Киев-град,

Не пиваючись он да не едаючись,
Не сыпал-де он нынче плотного сну;
Да разорвана лата да нынъ булатная,
Да цветно его платьё да всё истрёпано.
Приворачивал он на заставу караульную –
Никого тут на заставе не случилось,
Не случилось-де нынъ, не пригодилось,
Да и спит-то один старой во белом шатру,
Да храпит-то старой, как порог шумит;
Да соскакивал Сокольник да со добра коня,
Да заскакивал Сокольник да нынъ во бел шатер,
Да хватал он копейцё да бурзамецкое,
Да и ткнул он старому да во белы груди;
По старому-то по счастью да по великому
Пригодился ле тут да золот чуден крест, -
По насадки копейцо да извихнулося;
Да и тут-де старой да пробуждается,
От великого сну да просыпается,
Да скакал-де старой тут на резвы ноги,
Да хватал он Сокольника за черны кудри,
Да и вызнял его выше могучих плеч,
Опустил он его да о кирпичат пол,
Да и тут-де Сокольнику смерть случилася;
Да и вытащил старой его вон на улицу,
Да и руки и ноги его он оторвал,
Россвистал он его да по чисту полю,
Да и тулово связал да ко добру коню,
Да сорокам, воронам да на расклёваньё,
Да серым-де волкам да на растарзаньё.